ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВ

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

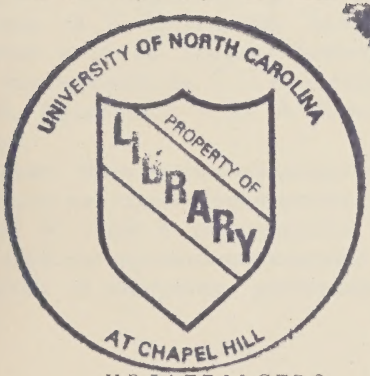
https://archive.org/details/portretydekabris00gosu

DK212
.M66
C515

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ

PORTRETY
DEKABRISTOV
V SOBRANII MUZEÏA



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»
МОСКВА — 1927

Печатается по постановлению Ученого Совета Государственного Исторического Музея.

Ученый Секретарь: *Н. Протасов.*

Главлит № 75921. Тираж 1.000. экз.

Тип. Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская улица, 16.

Воспроизводимые в настоящем издании портреты декабристов и близких к ним лиц представляют собой часть коллекций Музея, в составе которых находится также собрание, принадлежавшее семье Чернышевых. До последнего времени это собрание хранилось в имении Ярополец, бывшем Чернышевых-Кругликовых. В годы революции оно поступило в Исторический Музей.

Часть воспроизводимых портретов принадлежит художнику Маньяни (Magnani), занимавшему в начале XIX в. должность учителя рисования в семье Чернышевых. Другая часть портретов принадлежит неизвестному художнику. На портретах нет обозначения тех лиц, кого они изображают. Определение изображений было сделано А. А. Голомбиевским и родственницей семьи Чернышевых Чертковой еще в то время, когда коллекция находилась в Ярополье (в 1912—14 гг.), и оно принято в настоящем издании. Описание портретов заимствовано из инвентарной описи Отдела Иконографии Исторического Музея. Пояснительный текст к портретам, содержащий краткие биографии и характеристики изображаемых лиц, принадлежит трем авторам: очерк, посвященный Вадковским, написан *И. Н. Розановым;* очерки, посвященные гр. З. Г. Чернышеву, гр. Е. П. Чернышевой, А. Г. Муравьевой, воспитателям Чернышевых, М. С. Лунину и И. И. Пущину, написаны *В. Ф. Саводником;* очерки, посвященные кн. С. Г. Волконскому, кн. Е. С. Волконской, Е. Ф. Муравьевой и М. А. Фон-Визину, написаны *К. В. Сивковым.*

Так как большая часть воспроизводимых портретов принадлежит представителям семьи Чернышевых и лицам, особенно к ним близким, то этим и определилось их место в начале издания. Для удобства пользования книгой в оглавлении имена лиц, изображенных на портретах, расположены в алфавитном порядке.

ПОРТРЕТЫ ДЕКАБРИСТОВ

Чернышев Захар Григорьевич
(1796 — 1862), декабрист.

Рис. карандашом и сангиной Маньяни (?),
разм. 22,2×17,1.

Чернышев Захар Григорьевич
(1796 — 1862), декабрист.

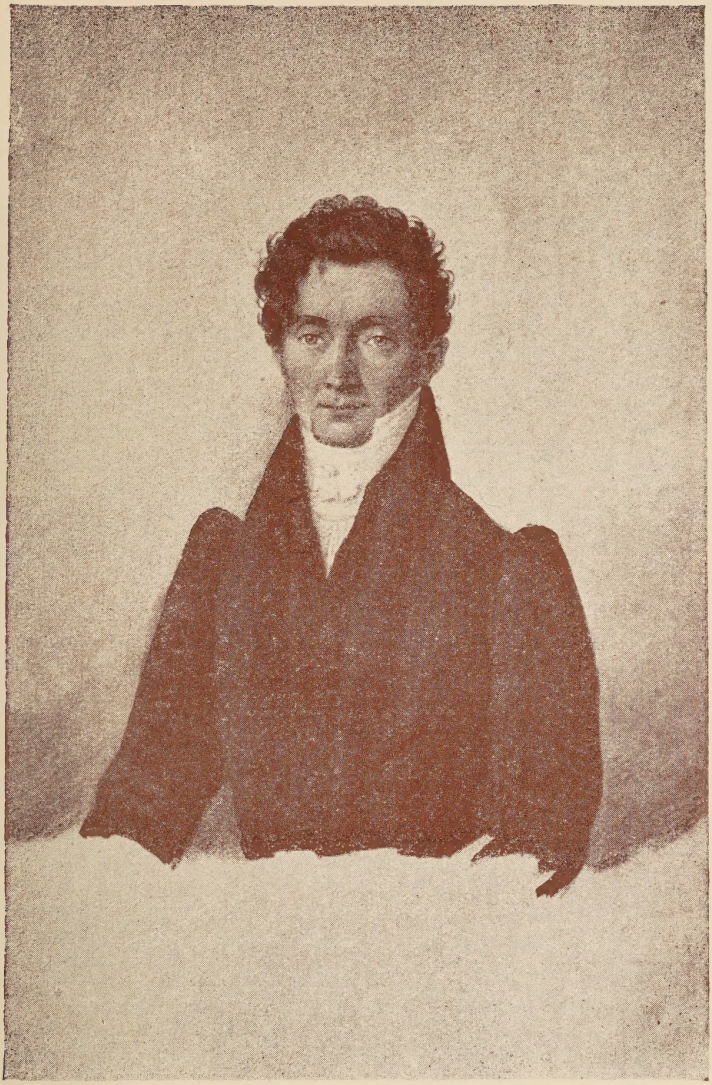
Акварель, работа Дорохова,
разм. 25,1×18,6.

Чернышева Елизавета Петровна,
рожденная Квашнина-Самарина (1773—1828), мать декабристов.

Миниатюра, разм. 5,5×5,5.

Муравьева Александра Григорьевна
(1804—1832), рожденная гр. Чернышева,
жена декабриста Ник. Муравьева.

Рис. карандашом и сангиной Маньяни,
разм. $19^1/_2 \times 24^1/_2$.



M-r Joyeux (Жуайё)—
воспитатель З. Г. Чернышева, масон.

Акварель и гуашь неизвестн. художн.,
разм. 21,1×16,5.

M-r Joyeux (Жуайё)—
воспитатель З. Г. Чернышева, масон.

Итальянский карандаш и сангина Маньяни,
разм. 25,4×19,8.

Miss Ewans—
воспитательница Чернышевых.

Рис. карандашом и сангиной Маньяни,
разм. 23×19,1.

Вадковский Федор Федорович,
декабрист.

Рис. карандашом и сангиной Маньяни (?),
разм. 23×16.

Вадковский Иван Федорович,
брат декабриста.

Рис. карандашом и сангиной Маньяни,
1815 г., разм. 22,8×17,6.

Вадковская Екатерина Ивановна,
рожд. Чернышева, мать декабристов.

Рис. карандашом и сангиной Маньяни (?),
разм. 22,3×17,1.

Волконский Сергей Григорьевич,
декабрист (1788—1865).

Рис. итальян. каранд. Г. Иванова, ученика Брюл
разм. 48,7×30.

Волконский Сергей Григорьевич,
декабрист (1788—1865).

После освобождения в имении дочери, Е. С. Кочубей, рис. Г. Иванова, разм. 36,7×36.

Волконская Елена Сергеевна,
по мужу Кочубей, дочь декабриста.

Рис. итальян. каранд. Г. Иванова, уч. Бруни,
разм. 38,7×55,2.

Муравьева Екатерина Федоровна,
мать декабристов.

Литография с рис. П. Соколова,
разм. 24,3×18,9.

Фон-Визин Мих. Алекс.
декабрист.

Акварель-миниатюра неизв. худож.

Лунин Мих. Серг.,
декабрист.

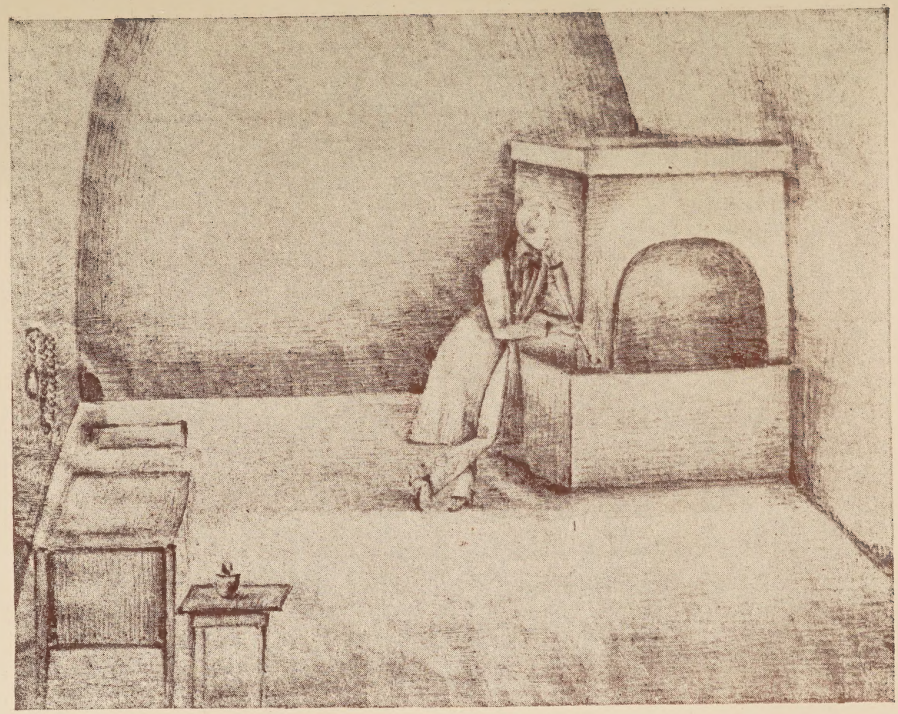
Итальян. каранд. и белила, неизв. худож.
разм. 27×20,7.

Пущин Ив. Ив. (?)
(1789 — 1859), декабрист.

Рис. карандаш. О. Кипренского, 1815 г.
разм. 31×26,5.

Пущин Ив. Ив.
(1789—1859), декабрист.

С фотографии.



Камера декабриста в Петропавлов. крепости.

Рис. карандаш. неизвестн. худож.
разм. 18,9×24,4.

I.

Гр. З. Г. ЧЕРНЫШЕВ.

Граф Захар Григорьевич Чернышев, потомок богатой и родовитой семьи, родился 14-го декабря 1797 г. Получив хорошее домашнее образование, он два года пробыл в известном Училище Колонновожатых, а в 1815 г. поступил в Кавалергардский полк юнкером. Здесь же служили его двоюродный брат Ф. Вадковский, Никита Муравьев, женившийся на его сестре, Свистунов и другие члены тайных обществ, оказавшие несомненное влияние на направление его взглядов и симпатий. Однако только в мае 1825 года Чернышев был формально принят в члены Северного общества; впрочем, особенно деятельного участия в делах его он не принимал. Не участвовал он также и в восстании 14-го декабря, так как находился в это время в имении своего отца, с. Тагине, Орловской губ., где он и был арестован вместе с Никитой Муравьевым (приказ об их аресте был дан вел. кн. Николаем Павловичем еще 12-го декабря). Следственная комиссия вменила ему в вину „знание об умысле цареубийства и принадлежность к тайному обществу, с знанием его цели“, и приговорила к 4-м годам каторжных работ. Но на каторге, в Читинской тюрьме, Чернышев фактически пробыл только один год: в мае 1828 г. он уже вышел на поселение, а в феврале 1829 г. был отправлен на Кавказ и зачислен рядовым в Нижегородский драгунский полк. Здесь он принимал участие в походах, ни в чем не отставая от простых солдат и ведя тот же спартанский образ жизни, как и они. В делах с горцами он проявил незаурядную храбрость и в конце 1830 г. был тяжело ранен в грудь. Произведенный за отличие в офицеры, он в январе 1834 г. вышел в отставку и поселился в отцовском имении. В 1856 году ему

были возвращены права и титул. Последние годы своей жизни Чернышев провел за границей и скончался в Риме в мае 1862 года. По свидетельству его племянницы, Чернышев „был человек редкой скромности и детски незлобивый; образование он имел блестящее и весьма обширное; в обществе всегда был весел и одинаково со всеми любезен; в семье был горячо любим". Сведения о Чернышеве собраны в „Рус. Архиве", 1903 г. №№ 1—2.

II.

Гр. Е. П. ЧЕРНЫШЕВА.

Графиня Елизавета Петровна Чернышева, мать декабриста Захара Григорьевича, урожденная Квашнина-Самарина, фрейлина имп. Екатерины II, родилась в 1773 году. Муж ее граф Григорий Иванович Чернышев, унаследовавший громадный чернышевский майорат, но благодаря своей расточительности и различным причудам значительно расстроивший свое состояние, был человек мягкий и добродушный, чрезвычайно любивший общество и развлечения. По словам гр. М. Д. Бутурлина, он „олицетворял собою офранцуженного екатерининского вельможу", плохо знал русский язык и писал французские стихи. Главную роль в семье играла его жена Елизавета Петровна, которую тот же Бутурлин характеризует, как „женщину с сильным характером, граничившим со строгостью в деле семейного управления". Благодаря главным образом ее энергии и настойчивости Чернышевым удалось в конце-концов выйти из материальных затруднений и сохранить свое состояние. Несмотря на свою строгость, Елизавета Петровна пользовалась большой любовью своих детей (сын-декабрист и шесть дочерей, из которых одна, Александра Григорьевна, вышла замуж также за декабриста Никиту Муравьева); она сама руководила их воспитанием и внушила им правила строгого исполнения долга. Когда в декабре 1825 г. в деревенском доме ее, в селе Тагине, были арестованы и увезены фельдъегерем ее сын и зять, она была так потрясена этим событием, что с ней произошел нервный удар, от которого она уже до конца жизни не могла вполне оправиться. Скончалась она в Москве 16 февраля 1828 года. Некоторые сведения о гр. Е. П. Чернышевой приведены в „Записках" М. Д. Бутурлина („Рус. Архив", 1897) и И. С. Жиркевича („Рус. Стар.", 1874).

III.

А. Г. МУРАВЬЕВА.

Александра Григорьевна Муравьева, урожденная графиня Чернышева, сестра декабриста Захара Григорьевича и жена декабриста Никиты Муравьева, родилась в 1804 г. и получила тщательное домашнее образование под руководством своей матери, сумевшей внушить своим детям, по свидетельству М. Д. Бутурлина, правила высокой нравственности. Она была одной из первых жен декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь. Бутурлин, хорошо знавший всю семью Чернышевых, рассказывает, что когда в декабре 1825 г. Никита Муравьев, гостивший в это время в имении своего тестя, был арестован, то он упал перед своей женой на колени, прося простить его за то, что он скрыл от нее свое участие в тайном обществе; в ответ на это она бросилась ему на шею, заявив, что последует за ним и разделит во всем его судьбу. Оставив на попечении своей матери трех малолетних детей, она поехала в Петербург хлопотать о разрешении отправиться за мужем в Сибирь, с величайшим трудом добилась этого разрешения и в начале 1827 г. приехала в Читу. Пушкин, посетивший Муравьеву при проезде ее через Москву, вручил ей для передачи узникам свое „Послание в Сибирь“ („Во глубине сибирских руд“...). Живя в Сибири, Александра Григорьевна всячески старалась облегчить и скрасить жизнь своего мужа и его товарищей по несчастью; она между прочим привезла с собой из Москвы аптечку для больных, а также помогала щедро всем нуждающимся деньгами. Будучи хрупкого здоровья, она не берегла себя, часто хворала и скончалась еще в молодых годах 22 ноября 1832 г. в Петровском заводе. Смерть ее, по свидетельству Якушкина, произвела потрясающее впечатление на ее мужа. Над ее могилой была устроена часовня, посетить которую считали своим долгом все уезжавшие из Сибири декабристы, в кругу которых она пользовалась общими симпатиями. „Мы все без исключения — пишет о ней декабрист Басаргин — любили ее, как милую, добрую, образованную женщину, и удивлялись ее высоким нравственным качествам: твердости ее характера, ее самоотвержению, ее безропотному исполнению своих обязанностей“.

IV.

ВОСПИТАТЕЛИ ЧЕРНЫШЕВЫХ.

Жуайё (Joyeux), гувернер и воспитатель гр. Захара Григорьевича Чернышева, член масонской ложи, имевший на своего воспитанника значительное нравственное влияние. Он состоял при молодом Чернышеве даже тогда, когда последний уже находился на военной службе. В начале 20-х годов Чернышев за участие в дуэли был присужден к аресту в крепости, и Жуайё, по желанию графини, разделял со своим воспитанником крепостное, правда, непродолжительное, заключение.

V.

Мисс Ивэнс (Ewans), англичанка-гувернантка в семье Чернышевых. По семейному преданию, она была страстной поклонницей Байрона и имела большое влияние на умственное и нравственное развитие молодых Чернышевых. Ей, вероятно, Захар Григорьевич (декабрист) обязан своим прекрасным знанием английского языка, уроки которого он давал своим соузникам в Читинской тюрьме. Своим воспитанницам мисс Ивэнс, повидимому, внушила некоторую нравственную восторженность (граф Бутурлин называет их „экзальтированными“) и культ героических личностей, с особенной силой сказавшийся в Александре Григорьевне.

Впоследствии мисс Ивэнс была классной дамой в одном женском пансионе в Москве.

VI.

ВАДКОВСКИЕ.

Из семьи Вадковских историческое значение имел Федор Вадковский, как довольно известный декабрист и автор статьи „Белая Церковь“, составленной им по рассказам Соловьева, Быстржицкого, Мазолевского и других участников возмущения Черниговского полка. Статья эта напечатана была впервые Герценом в 1863 г. в „Записках декабристов“, во II и III т. т.

Отец декабриста Федор Федорович Вадковский род. 21-го

декабря 1756 г., в молодости служил в Семеновском полку, был близок наследнику престола Павлу Петровичу, в старости был сенатором и умер 27 августа 1806 г.

2-го сентября 1789 г. он женился на фрейлине графине Екатерине Ивановне Чернышевой, бывшей на 10 лет его моложе (род. в 1766 г.). Она была дочерью графа Ивана Григорьевича Чернышева от второй его жены Анны Алексеевны Исленьевой. Сведений об Екатерине Ивановне Вадковской имеется очень мало. Неизвестен нам и год ее смерти. Известно только, что 1-го января 1825 г. она была жива. От этого брака у Ф. Ф. Вадковского было 6 человек детей. Кроме Федора, из них заслуживают внимания старший брат Федора Иван и младший брат Александр. Иван Федорович Вадковский родился в 1790 году, женат был на Е. А. Молчановой. Служил в Семеновском полку, в 1809 г. был произведен в прапорщики, а в 1820 г., когда разыгралась известная „Семеновская история", был уже в чине полковника и был привлечен к суду за то, что „слабым и несообразным с долгом службы поведением своим дал усилиться беспорядку, происшедшему в командуемом им батальоне". Объяснительная записка И. Ф. Вадковского своим независимым тоном навлекла на него озлобление начальства (подробнее см. в ст. „Семеновское дело" в книге „Декабристы". Сборник материалов. 1926 г., изд. Всесоюз. библ. им. Ленина, а также в „Записках" И. Ф. Вадковского в „Рус. Старине", 1873 г., т. 7). После „Семеновской истории" Иван Вадковский был переведен в Костромской пехотный полк, затем был полковником Тифлисского пехотного полка. 27 мая 1827 года уволен со службы. В „Алфавите декабристов" Иван Вадковский не числится.

Александр Вадковский в движении декабристов принимал эпизодическое участие, почти не отразившееся на его дальнейшей судьбе. В статье его брата Федора „Белая Церковь" упоминается об Александре Вадковском в связи с тем, что произошло в г. Василькове 30 декабря 1825 г. Авангард Муравьева, под командой поручика Суханова, вошел в город в 4 ч. пополудни, арестовал майора Трухина, освободил арестованных ранее Трухиным Соловьева и Щепилло. На городской площади сходились роты и группы восставших. Далее в статье Ф. Вадковского мы читаем: „Пока еще толпились на площади, полной любопытных, прискакал прапорщик 17-го егерского полка Александр Вадковский и тотчас же ускакал

обратно, дав обещание Муравьеву присоединить несколько рот к восстанию. По прибытии в Белую Церковь (штаб 17-го егерского полка) он был арестован".

В связи с этим Александр был привлечен к делу по причастности к возмущению Черниговского полка, но по докладу Следственной комиссии подвергнут был лишь дисциплинарному наказанию.

Декабрист Вадковский, Федор Федорович, родился в 1800 г. В возрасте от 10 до 12 лет воспитывался в пансионе при Московском университете. При приближении французов в 1812 г. к Москве он был перевезен в Петербург. Там его воспитывал сначала аббат, потом он стал готовиться в Пажеский корпус и, наконец, был отдан в пансион Годениуса. 1-го января 1822 г. был произведен в корнеты Кавалергардского полка. В том же году князем А. В. Барятинским он был принят в тайное общество (Северное). 19-го июня 1824 г. „за неприличное поведение" во время маневров в Красном Селе был переведен прапорщиком в Нежинский конно-егерский полк. В чем заключалось это „неприличное поведение", существуют различные версии: по одним сведениям это были „преступные разговоры", по другим — „стихи против начальства и вел. кн. Михаила Павловича". На юге, познакомившись с Пестелем, Вадковский поддался его влиянию, перешел из „Северного Общества" в „Южное" и начал вести деятельную агитацию. Он привлек к Обществу девять новых членов. Пылкий, увлекающийся, излишне доверчивый, он совершенно не годился в конспираторы. Он попался на удочку известного предателя декабристов Шервуда, который вкрался к нему в доверие и разведывал через него о тайном обществе. Не подозревая предательства, Вадковский сообщил даже Шервуду, где хранится список членов Южного Общества — в футляре скрипки. Шервуду же доверил он передать одно конфиденциальное письмо Пестелю. Шервуд донес по начальству, и 10-го декабря, раньше других декабристов, по приказанию Дибича, Федор Вадковский был арестован в Курске присланным туда специально с этой миссией полковником Николаевым и отвезен в Шлиссельбург, а вскоре затем переведен в Петропавловскую крепость. Держать его приказано было „совершенно втайне", на первый допрос, произведенный, вероятно, Николаем I лично 22 февраля, приказано было „вести секретно, с закрытым лицом, под строжайшею стражею".

Следственная комиссия так формулировала его участие в движении: „Принадлежал к Северному и Южному Обществам около четырех лет и разделял цель последнего—ввести республиканское правление с истреблением императорской фамилии. Он считал возможным совершить сие злодеяние на придворном бале и там же провозгласить установление республики. Сообщив о сем некоторым из сочленов своих, спрашивал о готовности их участвовать в том и получил утвердительный ответ. В 1824 г. обещал содействовать Матвею Муравьеву-Апостолу, имевшему намерение покуситься на жизнь покойного императора в случае, если бы открытием Общества подвергнулся опасности брат его Сергей. При сем случае Вадковский рассказывал, что когда он жил в Новой Деревне и имел духовое ружье, ему приходила мысль посягнуть на жизнь покойного государя. Он принял в Общество девять человек. Сверх того, хотел принять Шервуда, с которым писал к Пестелю, изъясняя сожаление о пропущенном случае к возмущению после кончины государя и предположение о продолжении действия Общества при новом правительстве, в то же время говорил Шервуду, что дела Общества, сверх чаяния, идут весьма хорошо, и что он считает труднейшим только то, как истребить вдруг всю августейшую фамилию. По приговору Верховного уголовного суда осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжную работу вечно. Указом 22 августа повелено оставить в работе 20 лет, а потом обратить на поселение в Сибири".

После конфирмации приговора Вадковский, отнесенный к I разряду, был отправлен 27 июля 1826 г. из Петропавловской крепости в Кексгольм, оттуда в апреле 1827 г. в Шлиссельбург. В Нерчинские рудники Вадковский попал только 5-го января 1828 г. Срок его каторжной работы (на Петровском заводе) дважды сокращался, и 10-го июля 1839 г. Вадковский был обращен на поселение в с. Манзурское Иркутской губ.

Вадковский был прекрасным математиком и „превосходным" скрипачом. В Чите и Петровском заводе он занимал своих товарищей лекциями по астрономии и игрой на скрипке. В Сибири же обнаружил незаурядные организаторские способности. Вместе с А. В. Поджио и И. И. Пущиным он составил артели для облегчения материального положения нуждающихся декабристов, а также артель для выписки журналов. Скончался

Ф. Вадковский от чахотки о Оёке, близ Иркутска, 7 января 1844 года. (Новые данные о Ф. Ф. Вадковском см. в книге „Декабристы", под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М. 1925.)

VII.

Кн. С. Г. ВОЛКОНСКИЙ.

Князь Сергей Григорьевич Волконский принадлежал к потомкам удельных князей, родился 8 дек. 1788 г. Его отец—генерал от инфантерии кн. Гр. Сем. Волконский, впоследствии оренбургский ген.-губернатор и член Гос. Совета, мать—урожден. княжна Александра Николаевна Репнина. Получив первоначальное образование дома, под руководством иностранцев, кн. С. Г. учился потом в пансионе аббата Николя в Петербурге. С 18 лет он начал военную службу, сделал блестящую карьеру. Приняв участие в 58 сражениях эпохи Наполеоновских войн, он уже в 1813 г. был генерал-майором свиты его величества и имел много орденов. Пребывание с русской армией за границей, а затем путешествие по Франции и Англии развило в нем интерес к политическим вопросам. В 1814 г. он познакомился с М. Ф. Орловым, а потом через него с будущими декабристами, принадлежавшими к масонской ложе в Киеве. Войдя в одну из киевских лож, С. Г. во время поездки в Тульчин познакомился с Пестелем и Юшневским и близко сошелся с ними. В 1820 г. он вступил в „Союз Благоденствия", а после его закрытия присоединился к Южному Обществу, примкнув к сторонникам республиканского строя. Как человек очень способный, умный и к тому же влиятельный, кн. С. Г. пользовался большим авторитетом среди других членов Общества. В событиях 1825 года активного участия не принимал, привел к присяге свою бригаду, но в начале 1826 г. был арестован. По приговору Верховного уголовного суда был обвинен в том, что „участвовал в умысле на цареубийство и истребление всей императорской фамилии, имея умысел на заточение императорской фамилии; участвовал в управлении Южным Обществом и старался о соединении его с Северным". Он был приговорен к смертной казни через отсечение головы. Это наказание было заменено ему лишением чинов и дворянства и ссылкой в каторжную работу на 15 лет, с оставлением после этого на

поселении в Сибири. Перенеся каторгу на Благодатском руднике и на Петровском заводе, кн. С. Г. в 1835 г. по просьбе матери получил разрешение перейти на поселение в с. Урик близ Иркутска. В Сибири у кн. С. Г. родилось четверо детей, из которых в живых остались лишь двое: сын Михаил и дочь Елена (Нелли, о ней см. дальше). Имея большую склонность к сельскому хозяйству, кн. С. Г. сильно увлекался им во время жизни под Иркутском (около 20 лет). По словам д-ра Н. А. Белоголового, бывавшего у Волконских в это время, кн. С. Г. слыл в Иркутске большим оригиналом. Забыв всю свою прежнюю светскость, он опростился, водил дружбу с крестьянами, любил бывать на полевых работах и на базаре. В возрасте 73 — 74 лет (уже в Москве) он был, по словам Белоголового, „хотя белым, как лунь, но бодрым, оживленным и притом таким нарядным и франтоватым,— прибавляет он,— каким я его никогда не видывал в Иркутске; его длинные серебристые волосы были тщательно причесаны, его такая же серебристая борода подстрижена и заметно выхолена, и все его лицо с тонкими чертами и изрезанное морщинами делало из него такого изящного, картинно-красивого старика, что нельзя было пройти мимо него, не залюбовавшись этой библейской красотой". Иначе характеризовал Волконского Е. И. Якушкин, сын декабриста, в одном из писем к жене из Сибири в 1855 г. („Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных". М. 1926, стр. 51): „Волконский, еще довольно бодрый старик, чрезвычайно похожий на портрет, который ты видела, с правильными чертами лица, но без особого выражения ума, и даже вообще выражения в лице немного. И в этом отношении лицо говорит совершенную правду—особенного ума у него действительно нет, хоть и вовсе нельзя назвать его глупым человеком или даже простым. А так себе—человек, каких встречаешь много ежели не между стариками, так между молодыми, потому что с такими понятиями, как у него, стариков почти совсем нет".

С характеристикой внешнего облика С. Г. Волконского в старости интересно сравнить официальный „список примет", относящийся к 1826 году: „38 лет, 2 аршина $8^1/_4$ вершков; лицом чист; глаза серые; лицо и нос продолговатые; волосы на голове и бровях темнорусые; на бороде светлые; имеет усы; корпуса среднего; на правой ноге, на берце, имеет рану от пули; зубы носит накладные при одном натуральном переднем верхнем зубе".

Вернувшись в Россию в 1856 г., кн. С. Г. поселился с семьей в Москве. По словам И. С Аксакова, кн. С. Г. „возвратился в Москву маститым старцем, умудренным и примиренным, полным горячего, радостного сочувствия к реформам нынешнего царствования, преимущественно к крестьянскому делу, полным незыблемой веры в Россию и любви к ней и высокой внутренней простоты". После выхода замуж дочери Е. С. за кн. Н. А. Кочубея кн. С. Г. вместе с кн. Мар. Ник. поселился в 1859 г. в имении дочери, с. Воронках, Черниговской губ. Болезнь заставила его предпринять несколько поездок за границу. В 1865 г. 28 ноября, на 78-м году жизни, он тихо скончался на руках дочери в с. Воронках.

Лучший материал для биографии и характеристики кн. С. Г. содержится в его собственных „Записках", изданных в 1901 г. его сыном, кн. М. С. (Спб., с 2-мя его портретами), в „Записках кн. М. Н. Волконской, с предисловием и приложениями издателя кн. М. С. Волконского" (Спб. 1904 г., с 4 портретами и 6 рис., на русск. и французск. яз.) и в книге С. Волконского „О декабристах" (по семейным воспоминаниям), П. 1922, изд. „Начала". В 1924 г. „Записки" переизданы П. Е. Щеголевым (Лен. 1924 г. ГИЗ). См. также недавно вышедшую работу О. И. Поповой „Письма М. Н. Волконской" в „Трудах Гос. Ист. музея", вып. II. Кроме того, интересные данные содержатся в „Воспоминаниях" д-ра Н. А. Белоголового.

VIII.

КН. Е. С. ВОЛКОНСКАЯ.

Княжна Елена Сергеевна Волконская, дочь кн. С. Г. Волконского и кн. М. Н. Волконской, урожд. Раевской, родилась 28 сентября 1835 г. на Петровском заводе (близ Читы). Своим первоначальным образованием обязана матери. Вот что говорит об этом сама кн. Мария Николаевна в своих „Записках", обращаясь к сыну: „Когда несколько лет спустя бог даровал мне Нелли, твою сестру, мое счастье было полное. Я жила только для вас, я почти не ходила к своим подругам. Моя любовь к вам обоим была безумная, ежеминутная". Детям, их воспитанию и развитию, она посвятила всю остальную жизнь. Как говорит биограф кн. С. Г., „во время пребывания на поселении родители воспитанием своих детей занимались

сами, при помощи своих товарищей по ссылке. Воспитательная часть детей С. Г. Волконского всецело лежала на их матери, ревниво следившей за каждым их шагом. Она сама преподавала им французский и английский языки, И. А. Муханов—математику, А. В. Поджио—русский язык, историю и географию, М. С. Лунин—английский язык, сосланный по движению в Польше 1837 года Сабинский—французский язык".

Доктор Белоголовый, бывавший у Волконских в с. Урике, близ Иркутска, где они жили, говорит в своих воспоминаниях, что Е. С. в 19 лет выглядела изящной, стройной и красивой женщиной. Ее племянник кн. С. М. Волконский так характеризует Елену Сергеевну: „Редкой красоты, живая, блестящая, обворожительная в обхождении, она была всеобщая любимица; мужчины, женщины, старушки, дети—все ее боготворили; и до глубокой старости, в параличе, без ног, в колясочке, без руки, без глаза она оставалась кумиром всех окружавших ее" („О декабристах". П. 1922. Стр. 85). 15 сентября 1850 г. Елена Сергеевна вышла замуж за состоявшего при генерал-губернаторе чиновника Дм. Вас. Молчанова, уехала в Петербург, но вскоре вернулась в Иркутск и жила вместе с родителями в выстроенном ими недавно перед тем доме. Горячо любимая ими, Е. С. платила им тем же и приложила много хлопот и усилий для облегчения их участи. По ее ходатайству в 1855 г. было разрешено княгине М. Н. прибыть в Москву для лечения. Е. С. сопровождала ее. В 1856 г., по манифесту, кн. С. Г. тоже вернулся в Россию и поселился вновь вместе с женой и дочерью в ее доме в Москве (официально он числился живущим в д. Зыковой, за Петровским парком). В 1857 г., после смерти мужа, Е. С. уехала с больной матерью за границу. В следующем году по ее ходатайству и кн. С. Г. был разрешен выезд за границу. Семья собралась в Париже, и здесь Е. С. вышла вторично замуж за кн. Николая Аркадьевича Кочубея (род. 27/X 1827 г., ум. 27/X 1865 г., был секретарем посольства в Константинополе). По возвращении в Россию Волконские большей частью жили в имении дочери, в с. Воронках, Черниговской губ. Здесь на ее руках скончалась 10 августа 1863 г. кн. Мария Николаевна, а через 2 года—кн. Сергей Григорьевич. Почти одновременно Е. С. потеряла второго мужа, умершего в Италии.

Через 3 года Е. С. вступила в третий брак с А. А. Рахмановым.

Скончалась Е. С. 23 декабря 1916 года.

IX.

Е. Ф. МУРАВЬЕВА.

Екатерина Федоровна Муравьева, жена известного в свое время писателя и попечителя Московского университета М. Н. Муравьева, была матерью двух декабристов—А. М. и Н. М. Муравьевых. Родилась 2 ноября 1771 г. Ее отец, сенатор барон Ф. М. Колокольцев, был скупой и честолюбивый человек. Он оставил дочери большое состояние. Современник ее, Ф. Ф. Вигель, бывавший в ее доме, говорит, что Е. Ф. Муравьева слыла женщиной добродушной и добродетельной, „т.-е. строгой нравственности в отношении к супружескому долгу". „Последнее — прибавляет он зло—было справедливо и, я думаю, не весьма трудно, ибо она была дурна, как смертный грех, и с богатым приданым лет тридцати едва могла найти жениха". После смерти Ф. М. Колокольцева „дом разбогатевшей его дочери, по словам того же Вигеля, сделался одним из роскошнейших и приятнейших в столице" (Москве). Ее гостиная была „населена" либералами того времени, и ее сын Никита, впоследствии автор известной „Конституции", „без всякого затруднения, как говорит Вигель, поступил в их общество". Про М. Н. Муравьева Вигель говорит, что тот „платил дань своему веку и мечтал о народной свободе, пока она была еще прекрасной мечтой, а не ужасной истиной; кроткую душу его возмущало слово „тиранство". Свои правила передал он жене, и они сделались наследием его семейства". Дальше в воспоминаниях Вигеля, далеко не беспристрастного к своим современникам, мы находим такую характеристику Е. Ф. Муравьевой и ее значения для политического мировоззрения сыновей: „Втайне,—говорит он,—она была исполнена гордости и тщеславия, а только по наружности заимствовала у мужа вид смирения". И дальше: „Сия малорослая женщина, худая как сухарь, вечно судорожно-тревожная, от природы умная и образованная мужем, в гостиных умела быть тиха, воздерживаться от гнева и всех дарить улыбками. Горе только тем, кои находились в прямой от нее зависимости: она была их мучительницей, их губительницей. Но, подобно самкам всех лютых животных, чувство материнской нежности превосходило в ней все, что вообразить можно". Она оказала большое влияние на сыновей, особенно на Никиту, подбирая

им учителей, а кроме того, „вливая в него (т.-е. сына) желчь свою и раздражая его против верховной власти".

Когда сыновья попали в ссылку, Е. Ф. оказывала непрерывно помощь им, а вместе с тем и другим декабристам. Так, жена ее сына, А. Г. Муравьева, получила через нее отличную аптеку и хирургические инструменты, которыми пользовались все заключенные в Читинском остроге. И вообще, по словам кн. М. Н. Волконской, А. Г. Муравьева получала „тайком много денег от своей свекрови то через посылаемого к ней слугу, то другим каким-либо путем". Сыну Н. М. „мать понемногу переслала его библиотеку". Получая от матери до 40 тыс. руб. в год, А. М. и Н. М. Муравьевы оказывали широкую помощь своим нуждающимся товарищам.

Е. Ф. Муравьева скончалась 21 апреля 1845 г. в Москве и была похоронена на кладбище Новоспасского монастыря.

X.

М. А. ФОН-ВИЗИН.

Михаил Александрович Фон-Визин, племянник автора „Недоросля", родился 20 авг. 1788 г. Сначала учился дома, потом в немецком училище св. Петра в Петербурге и в Московском университетском пансионе. Уже в 1803 г., т.-е. в возрасте 15 лет, он поступил на военную службу и через 2 года был произведен в офицеры. В 1813 г. он — уже полковник и командир полка. Годы 1814—18 он прожил во Франции, сначала в плену, потом как полковой командир оккупационного корпуса Воронцова. Пребывание за границей, чтение Руссо, Монтескье и Райналя сделали из него сторонника политического либерализма, но в умеренной форме. По возвращении в Россию он не мог примириться с аракчеевщиной, царившей в армии, и вышел в отставку. Однако по просьбе гр. Толстого, командира московского корпуса, вновь вступил в службу. В полку, который он получил в командование, он завел новые порядки: запретил употребление палки при обучении, сблизился с офицерами, для подпрапорщиков и юнкеров устроил училище и проч. На улучшение жизни солдат и офицеров он в короткое время издержал до 20 тыс. рублей собственных денег. В это время он входил в одну из масонских лож, а потом через И. Д. Якушкина, переведенного из Петербурга в полк Фон-Визина, был принят в „Союз Спа-

сения", в организации которого принял деятельное участие. Среди других членов Общества он пользовался большим уважением. Декабрист Розен называет его „благороднейшим человеком". В 1820 г., уже в чине ген.-майора, Фон-Визин снова вышел в отставку и жил по преимуществу в своей подмосковной Крюкове, поддерживая связи с членами Северного Общества, но деятельность его, как члена тайного общества, становится теперь менее заметной. Между прочим он принимал участие в совещаниях, происходивших в Москве в сентябре и декабре 1825 г., но уже 20 декабря принес присягу. Привлеченный к суду, Фон-Визин был причислен по приговору к IV разряду и осужден на 8 лет каторги и поселение в Сибири. Выйдя на поселение раньше назначенного срока, в 1832 г., Фон-Визин прожил вместе со своей женой, Нат. Дм., 21 год в Енисейске, Красноярске и Тобольске. Будучи очень религиозным человеком, он много занимался философией и богословием, вел тихую созерцательную жизнь. Его костюм отличался большой простотой: однобортный серый сюртук без пуговиц, со стоячим воротником, такой же воротник рубашки, широкие серые брюки. „Радушная внимательность и сердечная признательность за малейшую услугу — говорит друг семьи Фон-Визиных М. Д. Францева в своих „Воспоминаниях" — были отличительными чертами его благородного характера". После долгих хлопот в 1853 г. М. А. Фон-Визин получил разрешение вернуться в Россию и поселился в своем имении Марьине, Бронницкого у., Московской губ. Большое состояние (за его вдовой числилось в 1855 г. свыше $2^1/_2$ тыс. душ крепостных и свыше 58 тыс. дес. земли) позволяло Фон-Визиным и во время ссылки и по возвращении в Россию жить, ни в чем не нуждаясь. В Марьине сохранилась хорошая старинная библиотека, и М. А. много здесь читал. Кроме того, он „вел огромную переписку, любил очень беседовать с мужиками, вникал во все их нужды, помогал им и словом и делом. Все они имели к нему свободный доступ и большую доверенность" („Воспоминания" Францевой). В Марьине М. А. прожил всего 11 месяцев и скончался 30 апреля 1854 г.

Лучший биографический очерк М. А. Фон-Визина принадлежит В. И. Семевскому: см. „Общественные движения в России в первую половину XIX века" (Том I. Спб. 1905 г. Изд. М. В. Пирожкова, стр. 1—96). „Воспоминания" Францевой см. „Русск. Стар.", 1885 г., № 11, и „Истор. Вестн.", 1888 г., № 5.

XI.

М. С. ЛУНИН.

Лунин, Михаил Сергеевич, родился в 1787 году в богатой дворянской семье, получил блестящее, хотя и поверхностное образование, провел бурную молодость в кругу петербургской „золотой молодежи“, много раз дрался на дуэли (между прочим вызвал на дуэль вел. князя Константина Павловича) и вообще обращал на себя внимание своим молодечеством и эксцентричностью. Военную службу он начал в аристократическом Кавалергардском полку, участвовал в Наполеоновских войнах 1805—1814 годов, при чем обнаружил блестящую храбрость, но своими резкими отзывами о правительстве Бурбонов по поводу казни маршала Нея вызвал неудовольствие имп. Александра и в 1815 году вышел в отставку. В следующем году, поссорившись со своим отцом, недовольным его уходом со службы, Лунин уехал за границу и поселился в Париже, где добывал себе средства к существованию уроками английского языка, математики и музыки. Вращаясь в различных кругах парижского общества, Лунин познакомился между прочим с Сен-Симоном, который очень высоко оценил его острый ум и независимость суждений. Здесь же, в Париже, Лунин сблизился с известным проповедником, иезуитом Гравеном; под его влиянием он, бывший в молодости свободным мыслителем, принял католичество. После смерти своего отца, унаследовав от него значительное состояние, Лунин возвратился в Россию и попал в Петербург как раз в эпоху усиленного политического брожения среди русской гвардейской молодежи. Он тотчас вошел в состав Союза Спасения, а затем стал одним из основателей Союза Благоденствия, при чем среди членов пользовался репутацией одного из самых пылких и крайних. Пушкин, изображая в непредназначенных для печати строфах „Евг. Онегина“ бурные сходки будущих декабристов „у беспокойного Никиты, у остроумного Ильи“, говорит о Лунине:

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал...

Впоследствии, когда Пестель задумывал набрать для революционного выступления особый отряд из наиболее отважных и

решительных людей, „отряд обреченных“ (cohorte perdue), он предполагал во главе этого избранного отряда поставить Лунина. В событиях 14-го декабря Лунину, однако, не пришлось принять непосредственного участия, так как он в это время находился на службе в Варшаве, в Гродненском гусарском полку. Цесаревич Константин Павлович очень благоволил к нему, ценя его остроумие и оригинальные выходки; он даже пытался отстоять Лунина, когда возник вопрос о привлечении его к делу о декабристах. По преданию, вел. князь даже предоставил ему возможность спастись бегством за границу, но Лунин не захотел этим воспользоваться и сам явился в Следственную комиссию для того, чтобы разделить общую участь с товарищами по убеждениям. На допросах он держался очень независимо, отвечал прямо и резко, чем и восстановил против себя своих судей. По обвинительному акту Следственной комиссии Лунину вменялось в вину „участие в умысле цареубийства согласием, умысел бунта, принятие в тайное общество членов и заведение литографии для издания сочинений общества“. По приговору он был отнесен к 2-му разряду и присужден к 20-ти годам каторги. Просидев три года в одиночном заключении в Выборгской крепости, Лунин в конце 1829 года был привезен в Читу и таким образом соединился с другими декабристами. По отбытии срока каторжных работ, сокращенного по манифесту, Лунин в 1836 году вышел на поселение и был водворен в слободе Урике вблизи Иркутска. Здесь, как на каторге, он делил свое время между разнообразным серьезным чтением, литературным трудом и молитвою в устроенной им в своем доме католической часовне. Но религиозные устремления не победили в нем мятежного духа: его едкие отзывы в письмах к родным о правительственных лицах, в том числе и о самом царе, вызвали против него новые репрессии, а когда в руки правительства попал составленный им в чрезвычайно резкой форме разбор донесения Следственной комиссии, Лунин в 1842 году был переведен в Акатуйскую каторжную тюрьму, где он и провел последние годы жизни в очень тяжелой обстановке; здесь же он и скончался 8 декабря 1845 года.

Натура богатая и разносторонняя, с большим запасом внутренних сил, с тонким умом и железной волей, Лунин был одним из самых интересных и выдающихся лиц в кругу декабристов. „Загадочный характер“, „рельефная индивидуальность“, „редкие качества ума и сердца“, пишет о нем декабрист Свисту-

нов; „человек замечательный, непреклонного нрава и чрезвычайной независимости", характеризует его Анненков; „человек твердой воли, замечательного ума, всегда веселый и бесконечно добрый", вспоминает о нем кн. М. Н. Волконская, хорошо знавшая его по Сибири. На всем существе Лунина лежала печать оригинальности, своеобразия. В нем причудливо сочетались противоположные начала: бурное стремление к сильным впечатлениям, к борьбе и подвигам и жажда высшего примирения, которое он думал обрести в католицизме. Тогдашняя русская действительность не давала ему простора для проявления и приложения его выдающихся сил и способностей, и он погиб жертвою своего серого безвременья. Его фигура, с отпечатком байроновского трагизма, является одной из наиболее красочных и ярких в галлерее героев декабризма, способной дать большой и благодарный материал для историка, психолога и романиста. Не даром о нем вспоминал (в „Бесах") и Достоевский, давший в Ставрогине некоторую психологическую параллель Лунину.

Литература о Лунине довольно обширна; кроме сведений и отзывов о нем, разбросанных в мемуарах декабристов, в особенности у Басаргина, Свистунова и Завалишина, Лунину посвящено несколько отдельных книг: П. А.: „Декабрист М. С. Лунин", Петроград, 1917; С. Я. Штрайх: „Декабрист М. С. Лунин". Сочинения и письма, Москва, 1923 (с 4-мя портретами); С. Я. Гессен и М. С. Коган: „Декабрист Лунин и его время", Ленинград, 1926; см. также сборники: „Декабристы". Неизданные материалы и статьи под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, Москва, 1925; „Декабристы на каторге и в ссылке", Москва, 1925; Б. Кубалов: „Декабристы в Вост. Сибири", Иркутск, 1925; „Декабристы", сборник материалов, изд. Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, Ленинград, 1926 (автопортрет Лунина эпохи его сибирской жизни).

XII.

И. И. ПУЩИН.

Пущин, Иван Иванович, один из наиболее выдающихся деятелей декабризма, происходил из старинной дворянской семьи и родился 4 мая 1798 года. Образование он получил в Царскосельском лицее, где тесно сблизился с Пушкиным, увековечившим эту дружбу в своей поэзии („Мой первый друг, мой

друг бесценный...“). В свою очередь Пущин оставил очень ценные „Воспоминания о Пушкине“, заключающие в себе много материала для биографии Пушкина, преимущественно лицейского периода, и для суждения о его личности. В октябре 1817 года Пущин поступил на службу в гвардейскую конную артиллерию. Еще будучи в лицее, Пущин посещал кружок офицеров, в состав которого входили будущие декабристы: Александр и Михаил Муравьевы, Бурцев, Колошин и др., имевшие большое влияние на развитие его общественных и политических взглядов и симпатий. В том же направлении действовали, вероятно, и лекции Куницына, одного из наиболее любимых преподавателей лицея, проводившего в своих чтениях идеи „естественного права“. Немедленно после окончания лицея Пущин примкнул к тайному обществу (Союз Спасения) и вскоре был избран в Распорядительную Думу, направлявшую его деятельность. В качестве одного из наиболее ревностных и стойких членов Союза Пущин приобрел в кругу товарищей общее доверие и уважение, так что, когда он в 1823 году оставил военную службу, переселился в Москву и поступил в судьи Уголовного департамента Московского Надворного суда, ему было поручено организовать московское отделение Общества, во главе которого он и стал. Самое поступление его на должность, не пользовавшуюся общественным уважением, было со стороны Пущина публичным доказательством его гражданских чувств, до некоторой степени гражданским подвигом: родовитые дворяне считали зазорным служить на низших должностях, вместе с „приказными“ из семинаристов, и Пущин, поступая в Надворный суд, думал этим поднять значение этой службы в глазах общества. Так понял его намерение и Пушкин, который в своем обращении к лицейскому товарищу говорит:

„Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в глазах общественного мненья
Завоевал почтение граждан“.

В качестве надворного судьи Пущин проявил неподкупную честность, прямоту и высокое сознание долга, чуждое всякого лицеприятия и внушений со стороны; но этими же качествами своей нравственной природы он возбудил против себя вражду некоторых сослуживцев, для которых его поведение было наглядным укором. Впрочем, судебная деятельность Пущина продолжалась только два года; в конце 1825 г., сейчас по полу-

чении известия о кончине имп. Александра, Пущин, в ожидании назревавших событий, поспешил в Петербург. Он принимал деятельное участие во всех собраниях членов Северного Общества, на которых решался вопрос о революционном выступлении. Наделенный от природы трезвостью мысли и ясностью взгляда, он скоро учел неравенство сил и безнадежность предприятия, но, повинуясь чувству товарищеского долга, явился на Сенатскую площадь и проявил здесь большую выдержку и хладнокровие. Теми же качествами отличается его поведение и во время следствия: в противоположность несдержанности и растерянности некоторых других декабристов, Пущин был чрезвычайно осторожен и сдержан в ответах, избегал всякого лишнего слова, всячески старался выгораживать других. Вероятно, это исполненное сознания своего достоинства поведение Пущина пред лицом Следственной комиссии повлияло в дурную для него сторону при составлении приговора, который отличается большой суровостью: Пущину вменялось в вину „участие в умысле на цареубийство, участие в управлении общества, принятие новых членов, личное участие в мятеже и возбуждение нижних чинов"; он был отнесен к первому разряду государственных преступников и присужден к смертной казни „отсечением головы"; затем, по конфирмации приговора, смертная казнь была заменена 20-летней каторгой.

В Сибири Пущин провел 28 лет. Во время пребывания в каторжной тюрьме, сперва в Чите, затем в Петровском заводе, он деятельно заботился об устройстве быта своих товарищей, собирал пожертвования, организовал хозяйственную артель, вообще проявил много энергии и доброй воли для смягчения и улучшения условий каторжного существования. Всегда ровный, спокойный и жизнерадостный, он умел действовать на настроение окружающих, сохранять в них бодрость духа. Переведенный в 1839 году на поселение в Туринск, а затем в Ялуторовск, Пущин и здесь не остался чужд общественной работе: в Ялуторовске он основал школу для детей местных мещан, которая, несомненно, имела культурное значение для полудикого края. После амнистии, объявленной по случаю коронации имп. Александра II, Пущин осенью 1856 года вернулся в Россию, а в следующем году женился на вдове своего товарища-декабриста, Н. Д. Фон-Визиной, и поселился в именье с. Марьине, Бронницкого уезда, где и скончался 3 апреля 1859 года.

Как человек, Пущин отличался высокими нравственными качествами, вызывавшими к нему всеобщие симпатии и уважение. Князь Волконский называл его „рыцарем правды“ за прямоту, стойкость и независимость его убеждений. Характерную черту его составляла также „благородная скромность“, по выражению его биографа, отсутствие в нем всякой рисовки, всякой аффектации. Уравновешенный и спокойный от природы, он принадлежал к более умеренному крылу декабристов, но своим убеждениям он остался верен до конца. К числу их принадлежало его убеждение в необходимости уничтожения крепостного права с наделением крестьян землей, и он радостно приветствовал первые попытки правительства подойти к разрешению этого назревшего вопроса.

Материалы для биографии и характеристики Пущина собраны в книге С. Я. Штрайха: „Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири“. Москва, 1925 (с 4-мя портретами). Показания Пущина перед Следственной комиссией напечатаны в издании Центрархива: „Восстание декабристов. Материалы“, т. II. Письма Пущина, не вошедшие в издание Штрайха, помещены в книге „Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных“. Москва, 1925 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вадковские, Ф. Ф., И. Ф. и Е. И.	12
Волконская, Е. С., кн.	18
Волконский, С. Г., кн.	16
Жуайе	12
Ивэнс	—
Лунин, М. С.	23
Муравьева, А. Г.	11
Муравьева, Е. Ф.	20
Пущин, И. И.	25
Фон-Визин, М. А.	21
Чернышева, Е. П., гр.	10
Чернышев, З. Г., гр.	9

Цена 1 р. 20 к.

017778/981

М
35-15